

МЕДНЫЕ РУБЛИ (1770—1778)

28 декабря 1768 г., были учреждены «банковые государственные ассигнации», для свободного обмена которых на ходячую монету учреждены ассигнационные банки в Москве и Петербурге. Первоначально платежи за них производились как медью, так и золотой и серебряной монетой. Но вскоре недостаток в серебре и золоте побудил, принимая ассигнации, платить за них почти исключительно медной монетой. Тогда и правительство оказалось вынужденным, принимая ассигнации, выдавать за них так же медью. Результатом этого явился указ 27 января 1770 г., предписывавший банкам выдавать за предъявленные к обмену ассигнации исключительно медную монету.

Таким образом, ассигнации явились заместителями медных денег; но, так как последние, чеканясь по 16 руб. в пуде, были крайне неудобны в обращении, то требование на ассигнации чрезвычайно возросло, и в то же время оказался громадный прилив медной монеты в оба банка и недостаток медных денег по губерниям (*Шторх П. А. Материалы для истории гос. денежных законов в России. СПб., 1868. С. 32—34*).

Чтобы восстановить правильное обращение медной монеты, приходилось или увеличить чеканку ее, или принять какие-нибудь меры к прекращению скопления медной монеты в Москве и Петербурге, выпуская ее снова в обращение.

Не имея возможности значительно увеличить чеканку монеты, правительство естественно должно было задуматься над второй мерой.

Тогда президент Берг-коллегии и Монетного департамента, граф Аполлос Епафродитович Мусин-Пушкин и предложил императрице выбивать на изобретенной им машине *рублевую медную монету* весом по 2½ фунта (по 16 руб. из пуда). Эту монету можно было бы сдать в банки в обеспечение за ассигнации, а всю имеющуюся там мелкую медную монету пустить в обращение. Хранение же более крупной монеты, рублей, было для банков даже удобнее, нежели хранение мелкой.

План этот чрезвычайно понравился Екатерине, и 16 февраля 1770 г. последовал следующий именной высочайший указ Сенату: «Для лучшего и удобнейшего хождения в народе медных денег, заблагорассудили мы установить новую, рублевую, медную монету того же точно весу, как и прочая нынешняя медная монета состоит, по 16 руб. из пуда. И для того Сенату повелеваем, учиня к сему все надлежащие распоряжения, как наискорее велеть оной делать третью часть противу мелкой, а о хождении публиковать» (*ПСЗ. № 13413. В это время в год чеканилось до 2½ миллионов руб. медн. монетой*).

Мусин-Пушкин представил императрице рисунки вводимой монеты, причем высочайшее утверждение 3 марта 1770 г. получил тип, имевший на лицевой стороне двуглавого орла, на груди которого находился щит с годовыми литерами; на оборотной стороне монеты надпись: **МОНЕТА НОВАЯ РУБЛЬ** (императрица исключила только слово «новая»). На ребре монеты надлежало помещать название Монетного двора. Другой представленный графом тип на лицевой стороне имел государственный герб (*ПСЗ. № 13419*).

Чеканку монеты, а также и пробу проектированной Мусиным-Пушкиным машины, по определению Сената, надлежало произвести на принадлежащих артиллерийскому ведомству сестрорецких заводах, почему и пришлось запросить о согласии на то генерал-фельдцейхмейстера графа Григория Григорьевича Орлова. Медь же для чеканки монеты и проб следовало получать с медеплавильных заводов. Все, касающееся чеканки, возлагалось на полное «попечение и диспозицию графа с тем, чтобы по изготовлении машины им были

представлены в Сенат два пробных «абдрука» (*Сенат, указ 11 марта 1770 г. //Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената. № 3868. С. 8—9*).

16 марта Сенат уведомил Мусина-Пушкина, что граф Орлов предписал Сестрорецкой оружейной конторе, ввиду производившихся там лишь незначительных работ по починке некоторых оружейных вещей, исполнять все приказания президента Берг-коллегии и предоставить в его распоряжение как бывшие до того «монетные фабрики» (*т.е. мастерские, где происходил передел пушечной меди в монету. (Ср. Винклер П. Из истории монет, дела: Передел медных пушек в монету в 1756—1766 гг.)*), так и все мастерские (*Определение Правит. сената //Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената. № 3868. С. 16*).

Весна и лето 1770 г. прошли в спешных работах по приведению в надлежащий вид мастерских для чеканки монеты и в устройстве для того машин, и 22 августа граф донес Сенату, что работы «приходят уже к окончанию и уповательно, что назначенная в передел медь нынешним водяным путем в С.-Петербург конечно доставится». Вместе с тем, граф просил, чтобы определен был на сестрорецкий завод «исправный и надежный, довольно знающий монетное дело человек», и как такового, он указывал на «находившегося ныне не у дел титулярного советника Ивана М а р к о в а», бывшего прежде при переделах на сестрорецких, а затем и на колывано-воскресенских заводах. «Конечно, надеяться можно,— писал граф,— что он (Марков) по довольноному знанию до монетного дела касающихся наук, впредь в приемлемое дело с желаемой пользой употреблен быть может». Поэтому Мусин-Пушкин просил, чтобы Маркова, «дабы он при сем новом деле мог наиприлежнейше оказать с приращением прибыли свои услуги», за прежнюю долговременную и непорочную службу наградить жалованьем и чином коллежского асессора. Кроме того, граф просил разрешения прискать «для приходу и расходу монеты и письменных дел» свободного, не у дел, «верного и надежного обер-офицера», которому и положить штатное жалованье. Для охраны Монетного двора следовало назначить для караула «от здешних батальонов» одного обер-офицера, одного унтер-офицера и достаточное число нижних чинов (*Донесение графа Мусина-Пушкина Сенату //Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената. № 3868. С. 45*).

Лицевая сторона рубля

Но оказалось, что машины такого чертежа, который был представлен императрице Мусиным-Пушкиным «недостаток у нас художеств, ему, президенту, делать недозволил», почему «на тот же предмет хотя несколько сложнее, но ни в чем успеху дела, расходу и пользе,

не предосудительнее, другим образом другая уже в действо доведена».

На этой машине были сделаны пробные «абдруки», которые 20 декабря и представлены в Сенат.

Кроме того и медь (листовая), присланная из Московской монетной экспедиции, в количестве 756 пуд. 10 фун. 40 золотников, оказалась по испытанию мало пригодной, так как давала значительный угар, а при чеканке и трещины.

Поэтому граф просил зачислить за счет Экспедиции весь лишний угар, а на будущее время командировать к нему в Сестрорецк одного из членов Медной монетной экспедиции, для присутствия при отливке меди.

Оборотная сторона рубля

В доказательство граф представил кусок такой меди и два треснувшие абдрука монет, сделанные из нее.

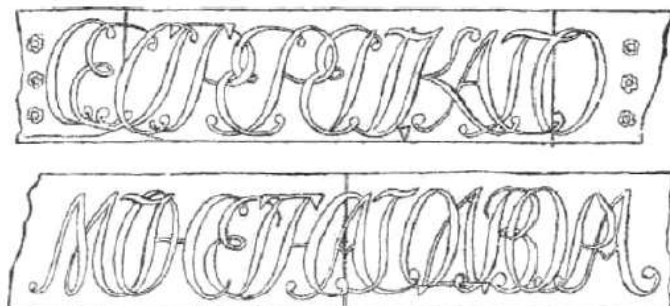
Представленные графом Мусиным-Пушкиным четыре пробные кружка имели на лицевой стороне, в середине монеты, клеймо величиной с обыкновенный серебряный рубль. На клейме этом — двуглавый орел, увенчанный тремя императорскими коронами, держащий в лапах: в правой — скипетр, а левой — державу. На груди его — большой узорный щит, с годовыми литерами: 1771 или 1770. Вокруг орла — лавровый венок, перевязанный вверху и внизу лентой (*Вел. кн. Георгий Михайлович. Русские монеты царствования императрицы Екатерины I. Т. 2. С. 35 (№ 238)*).

На оборотной стороне монеты, в середине — клеймо такой же величины, как и на лицевой стороне, но на нем, под императорской короной, надпись в двух строках: **МОНЕТА РУБЛЬ**. Вокруг всего клейма — лавровый венок, как и на лицевой стороне.

Гурт монеты (ребро) представляло вязью название Монетного двора: **СЕСТРОРЕЦКАГО МОНЕТНАГО ДВОРА**.

Но изобретенная графом машина почти совершенно не могла работать, так что прошло полгода после представления пробных рублей, а все еще нельзя было приступить к чеканке монеты. Последовавшая затем (29 июня 1771 г.) смерть графа Аполлоса Епафродитовича совершенно приостановила это дело, хотя 23 сентября 1771 г. и последовало определение Сената о передаче чеканки рублевой монеты в ведение нового президента Берг-коллегии, тайного советника, сенатора Михаила Федоровича С о й м о н о в а. (На заводах в это время находились назначенные графом Мусиным-Пушкиным чиновники: для письменных дел и

сношений с Берг-коллегией — бергмейстер Федор Г р а м м а т ч и к о в, к «учреждению и самому делу опытного передела», титулярный советник Иван М а р к о в и для ведения прихода-расходных книг капитан Ж е л е з н о в (*Определение Правит, сената //Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената. № 3868. С. 68*).

Ребро рубля

Лишь осенью 1773 г. Соимонов подал донесение в Сенат, испрашивая у него разъяснения о том, что делать с чеканкой медных рублей. Оказалось, что из присланной от Московской монетной экспедиции меди «не мало издержано по-здешнему Монетному двору и лаборатории надобности, а также и на листы для Петропавловского шпица». Затем, не определен был еще угар получаемой от плавки присланной меди, и президент Берг-коллегии не знал, следовало или нет продолжать работы по чеканке рублевой монеты, тем более, что для этого приходилось переделать машину. Сенат не мог решить вопроса и представил его на высочайшую резолюцию (*Определение Сената 6 ноября 1773 г. //Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената. № 3868. С. 77*).

Императрица пожелала, чтобы вновь было приступлено к чеканке рублевой монеты, о чем генерал-прокурор, князь Александр Алексеевич В я з е м с к и й и объявил Соимонову.

Тогда президент Берг-коллегии, в обширном донесении Сенату от 24 января 1774 г., представил подробное описание машины, сделанной графом Мусиным-Пушкиным и точный расчет задельной платы рабочим и угара металла. Из донесения этого было видно, что для чеканки монеты не только необходимо сделать новые машины, но и расчет стоимости работы был определен покойным графом неверно.

Действительно, для чеканки монеты Мусиным-Пушкиным была изготовлена следующая машина:

Для разрезки медных штыков были сделаны две рамы, движущиеся с помощью водяного колеса и коленчатого вала. В рамы эти вставлены пилы, укрепленные в особой, окованной железом, раме, которая также с помощью коленчатого вала, могла двигаться по вделанным под нее саням, а пилющаяся медь в это время разрезывается в рублевые куски. На одной раме было 25 пил, а на другой — 13.

Предполагалось на 8-ми подобных установках переделывать меди до 759 пудов в день, таким образом, что получалось до 625 пудов в монетных кружках и до 134 пудов в обрезках и опилках. 625 пудов кружков запечатывались на станах и, таким образом, в день получалось до 10 000 руб. монетой. Работая 100 дней, получали 62 500 пудов меди в кружках, по отчеканке которых, рублевой монетой выходило 1 000 000 руб.

Угар меди рассчитан был по 1 фунту на пуд, при переделке опилок и обрезков, что на предположенные к выпуску 2 000 000 руб. монетой составило бы 670 пуд. Задельная плата была определена монетчикам по 13-ти, а работникам по 9½ коп., в день. Таким образом,

передельная стоимость пуда меди определена была в $11\frac{3}{4}$ коп., считая в том числе и потерю от угара.

На самом деле оказалось, что рама с пилами и находящиеся под ними сани при разрезке только одного штыка, разогреваются настолько, что «по всему покою, в котором они поставлены, превеликий чад, а от многого действия и загораться может». Самые же пилы, несмотря на то, что для охлаждения их проведена желобом вода, так нагреваются в работе, что закалка их отходит, зубья скоро стираются и пилы слабеют, а при остывании часто лопаются. Все это вело к тому, что кружки выпиливались неровные, одна сторона получалась толще другой, и приведение их в законный вес ($2\frac{1}{2}$ фунта) было крайне обременительно. Кроме того, при полной исправности пил, установка и разрезка одного только штыка занимала не менее 2 часов времени, так что в сутки на одном таком стане не могло быть разрезано более 12 штыков (если притом работу ни на минуту не останавливать). Из этого числа штыков монетных кружков получалось 288, считая все годными. При действии же 8 таких машин, в день можно было бы получить 2304 кружка.

Затем, кроме угара при сплаве, не предполагалось никакой более утраты металла. На самом же деле, при распиливании штыков, медь разлеталась в виде мельчайшей пыли, собирать которую возможно было лишь с большим ущербом.

Заработная плата монетчикам и рабочим, также «в рассуждение здешнего места», определена не верно, так как «при здешнем Монетном дворе работники вольные и плату получают за готовым хлебом и харчем от 60 до 70 коп. в неделю». При собственном же содержании меньше 25 коп. в день нанять рабочего никак нельзя. Поэтому передельная цена пуда, положенная в $11\frac{3}{4}$ коп., не считая даже непреременных мелочных расходов, чрезвычайно мала. Если же положить работникам и монетчикам по 25 коп. на день, то при 8 станах 156 человекам всего надо 38 руб. Переделано же будет 2304 кружка или 144 пуда.

Так как при чеканке монеты угар обыкновенно получается до 2 фунтов с пуда, то на 144 пуда кружков угара должно быть до 7 пудов 8 фунтов. Считая медь эту по передельной цене (16 руб. пуд), стоимость ее будет 115 руб. 20 коп. Прибавляя же сюда и задельную плату монетчикам и рабочим — 38 руб., то выделка 144 пудов кружков обойдется в 153 руб. 20 коп., т.е. пуд монеты станет не в $11\frac{3}{4}$ коп., как предполагалось, а свыше 1 руб. 7 коп.

И то при полном действии всех станов, что на самом деле невозможно, так как постоянно необходимы будут остановки и поправки (*Раторт бергмейстера Грамматчикова // Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената. № 3868. С. 85—86. У Грамматчикова в одном месте доклада показано 146 пудов, а угар определен — 7 пудов 12 фунтов; кроме того стоимость угарной меди показана крайне высока, так как она должна быть определена по действительной, а не номинальной цене металла*).

В подтверждение своего донесения и для осмотра сенаторами, была привезена в Сенат и одна из пушкинских машин.

Сенат отказался от осмотра машины, а предложил Соймонову изыскать средство, каким путем можно было бы приступить к чеканке рублевой монеты. Если бы для такой работы существующие приспособления оказались негодными, то ему поручалось завести новые; одним словом, Сенат полагался на его знания и старания. Присланную машину предписано было возвратить в Сестрорецк, а для образца монеты Соймонову выдан один из четырех имевшихся в Сенате медных рублей (*Определение Сената 29 янв. 1774 г. // Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената. № 3864. С. 87—88*).

Так как машины оказались безусловно негодными для чеканки, то Соймонов решил попробовать отливать кружки в обыкновенные опоки. Но, несмотря на все принятые меры,

тщательность отливки и прочее, рублевые кружки получались не только не гладкие, но на краях, где сходятся обе формы, всегда выходили закраины, которые приходилось обрезать, а самые кружки обтачивать. Затем часть металла оставалась в так называемом путце (канале, по которому металл наливался в форму). Все это требовало таких хлопот и отнимало так много времени при выделке рублевой монеты, что отливка ее в массе была положительно невозможна.

Эти и подобные им опыты заняли почти два года, и лишь в ноябре 1776 г., Соймонов представил Сенату свои заключения о чеканке рублевой монеты.

Указав непригодность выделки монеты как машинами, предложенными графом Мусиным-Пушкиным, так и отливкой, президент Берг-коллегии находил возможность чеканить рубли тем же способом, как и обыкновенную монету.

«Сия крупная монета,— доносил Соймонов,— как имел я честь слышать от Правительствующего сената, способна была и для того, что к сохранению и капитале, на случай вымена государственных ассигнаций, не требовалось бы великих расходов повсегодно на мешки и бочки, для положения и укупорки обыкновенно делаемой в Екатеринбурге мелкой монеты употребляемые». Соймонов предлагал делать рублевые и полтинные кружки, оставя вес первых в 2½ фунта (16 руб. в пуде), увеличить диаметр их настолько, чтобы ребро монеты было в пол-дюйма, а не дюйм, как в пробных рублях. Полтины должны были быть пропорциональны по весу и диаметру. Такие монеты можно было бы без затруднения выбивать из досок тем же способом, как и обыкновенную монету. Доски отливать в особые изложницы, а затем перед чеканкой плющить в надлежащую толщину. Хотя выделка такой монеты и пойдет несколько медленнее мелкой, так как часто придется вынимать для точки резцы, но, с другой стороны, такое замедление будет не чувствительно, так как цена монеты гораздо выше мелкой, и в одно и тоже время может быть отпечатано на большую сравнительно с первой сумму.

Но чтобы приступить к чеканке, необходимо сделать такие металлические станки, которые в состоянии были бы выдержать необходимое для прорезки толстых досок давление. Поэтому первоначально надлежало изготовить модель такого стана, а затем уже приступить и к постройке его. Для этого Соймонов просил Сенат отпустить необходимую сумму, а самую постройку произвести на Сестрорецком дворе под наблюдением состоящих на Петербургском монетном дворе обер-бергмейстера Л е ш е н к о л я и маркшейдера Н о р д г а у з а, причем последнему безотлучно бы находиться в Сестрорецке. «Смею уверить,— заканчивал свое донесение президент Берг-коллегии,— что сии люди и во время годового моего отпуска, как модели сделать, так и самые с оных машины, конечно могут».

Другого же способа выделки рублевой медной монеты Соймонов не мог указать Сенату (*Донесение Соймонова 23 ноября 1776 г. // Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената. № 3868. С. 92—93*).

Кажется, Соймоновым приготовлен был один пробный экземпляр медного рубля, ныне хранящийся в Императорском Эрмитаже (*Вел. кн. Георгий Михайлович. Русские монеты царствования Екатерины II. Т. 2. С. 35 (№ 237). Вес этого рубля 2 фунт. 54 золотн.*). Рубль этот такого же типа, как и пробные Мусина-Пушкина, только диаметр его гораздо больше (до 4 дюймов), а гурт уже (на половину) и узорный.

Но оказалось, что устройство стана для прорезки ½-дюймовых медных досок, сопряжено было с такими неудобствами, что прошло почти два года после разрешения устройства его, а стан все еще не был сделан.

Лицевая сторона рубля

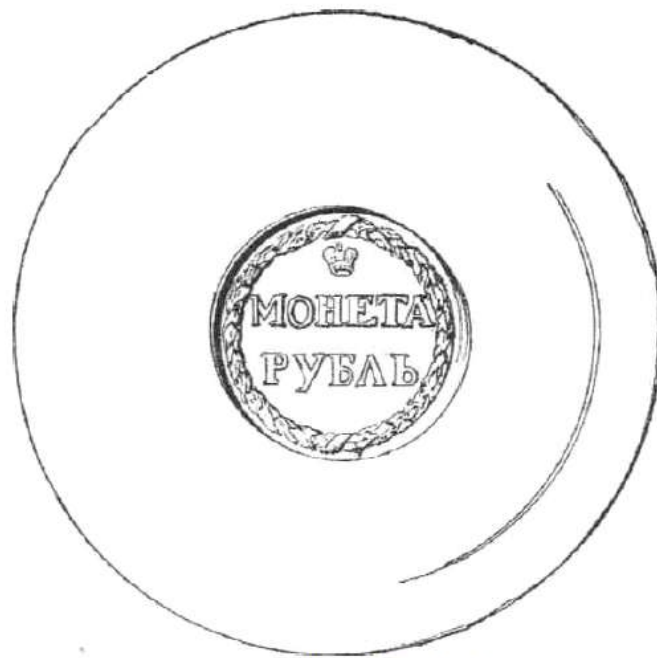
Все это побудило императрицу отказаться от чеканки медной рублевой монеты, вследствие чего 28 сентября 1778 г., последовал именной высочайший указ Правительствующему сенату, объявленный генерал-прокурором князем Александром Алексеевичем Вяземским, повелевавший «приготовление новой рублевой медной монеты впредь до указа остановить, а всех находящихся при том людей распределить по прочим должностям» (*Имен. указ 28 сент. 1778 // Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената. № 3868. С. 113*).

В силу этого указа, все устроенные на Сестрорецком дворе мастерские для чеканки монеты машины и инструменты были переданы начальнику сестрорецких оружейных заводов артиллерии майору Эйлеру, о чем и состоялось определение Правительствующего сената от 22 августа 1779 г. (*Определение Сената 22 авг. 1779 г. // Моск. арх. М-ва юстиции. Дела Сената. № 3868. С. 479*).

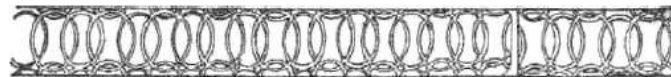
Таким образом, выделка рублевой медной монеты ограничилась только пятью экземплярами: четырьмя отбитыми при графе Мусине-Пушкине и одним — при Соймонове.

Из числа пробных рублей Мусина-Пушкина, представленных Сенату 20 декабря 1770 г., вероятно, два были с 1770, а два с 1771 годом. Рубли первого года были совершенно неизвестны до последнего времени, но года два тому назад один экземпляр рубля 1770 г. вдруг появился в продаже (в С.-Петербурге) и был приобретен в. кн. Георгием Михайловичем. Рубль же 1771 г., изображен был впервые в атласе Шуберта.

Должно заметить, что еще в 1762 г., Сенат представил всеподданнейший доклад Петру III, в котором указывал, что, так как необходимо ускорить выпуск медной монеты, то, «того ради не изволит ли Ваше Императорское Величество высочайше указать, делать ныне медную рублевую и полтинную монету весом против прежнего по 32 руб. из пуда. И о том Сенат всеподданнейше просит высочайшей Вашего Императорского Величества конфирмации, а каким изображением оным назначиваемым деньгам быть, о том подносится при сем рисунком».

Оборотная сторона рубля

Гурт рубля

Сведения о чеканке медных рублей 1770—1771 гг. были чрезвычайно не точны. Так, Рейхель считал их пробной монетой по 10 руб. из пуда, предназначавшейся для расплаты с рабочими, которые, получая жалованье такими рублями, могли бы продавать их на металл, получая при этом известную выгоду (*Die Reichelsche Munzsammlung in St. Petersburg. T. I. 1842. S 422*).

Шуберт называет их пробной монетой, выпущенной в незначительном количестве в обращение (*Schubert. Les monnaies russes des derniers trois siecles. Leipzig, 1857*).

Оба эти предположения оказываются неверными.

Шуберт же пишет, что в 1836 г. по приказанию Министра финансов (графа Канкрин) отчеканено было несколько штук медных рублей (пушкинскими штемпелями). Подтверждение этого сообщения находим в том, что известно несколько новодельных рублей, имеющих довольно правильную форму и гуртовую надпись, более изящно сделанную. Последняя в таких рублях состоит из трех или четырех частей.

Этими же штемпелями было отбито на С.-Петербургском монетном дворе несколько кружков из серебра, так что получилась рублевая монета (весом в 5 золотников 30 долей) с 1771 г., но совершенно отличной от обыкновенных рублей чеканкой. Это обстоятельство, а равно и отсутствие изображения и имени императрицы на кружке, придало последнему особенное значение, и молва, не зная их происхождения, приписала выпуск таких рублей Пугачеву, почему у торговцев эти монеты получили название «пугачевских рублей».